A 238/1965

ЭБ

Д 933
1965

МНЕМОНИКА.

РУКОВОДСТВО

КЪ УКРѢПЛЕНІЮ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЮ

ПАМЯТИ.

СОСТАВИЛЪ

З. Н. Тиленко.

Бендеры.
Типографія А. А. Гольденштейна.
1896.

А 238/1965
Ф 1-Н/11045

МНЕМОНИКА.

801-20/2342

РУКОВОДСТВО

КЪ УКРѢПЛЕНІЮ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЮ ПАМЯТИ

ПУТЕМЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ПРІЕМОВЪ МНЕМОНИКИ,

дающихъ возможность легко и быстро усвоить и удержать на всегда въ памяти разныя названія, заглавія книгъ, статьи законовъ, пословицы, поговорки, изреченія, анекдоты, стихотворенія и др. литературныя произведенія, числа, иностранные языки, хронологію, географію и пр.

СОСТАВИЛЪ

З. Н. ГИЛЕНКО.

БЕНДЕРЫ.
Тип. А. А. Гольденштейна.
1896.

Дозволено цензурою. Одесса, 12 Февраля 1896 г.

130134-О

RFID 2018669257

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ! . .»

Некрасовъ.

Любознательный и пытливый умъ человѣка, какъ бы предвидя ту массу изобрѣтеній и открытій, съ которой придется имѣть дѣло позднѣйшему потомству, еще на первой ступени своего развитія выдвинулъ вопросъ о сильной и развитой памяти. И дѣйствительно, подобно горному ручью, умъ человѣческій стремится все впередъ и впередъ, каждый день обогащая науку, искусство и технику открытіемъ новыхъ и усовершенствованіемъ старыхъ изобрѣтеній. Въ настоящее время, когда жизненныя условія настолько запутались и осложнились, что человѣку нужно носить съ собою огромный запасъ всевозможныхъ свѣдѣній, практическихъ знаній и житейскаго опыта, при той массѣ заслуживающаго изученія, недостатокъ сильной памяти, болѣе чѣмъ когда-либо, даетъ себя чувствовать сильнѣй и настойчивѣй.

Назрѣвшая мысль — пополнить пробѣлы природной памяти какимъ-либо искусственнымъ способомъ вообще, придти безотлагательно на помощь учащемуся юношеству въ возможно большемъ пріобрѣтеніи знаній при наименьшей тратѣ времени, умственныхъ и физическихъ силъ въ особенности, — побудила нѣкоторыхъ ученыхъ и педагоговъ обратить

серьезное вниманіе на науку объ укрѣпленіи и усовершенствованіи памяти, т. е. мнемонику, бывшую уже извѣстною въ древности; трудъ ихъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: мнемоника, основанная на научныхъ выводахъ психологіи, физіологіи, педагогики и логики, возведена теперь въ степень наукн, и съ достоинствомъ оправдываетъ возлагаемыя на нее надежды. Каждый, даже поверхностно познакомившійся съ мнемоникой, относится къ ней не иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ, желая ей дальнѣйшаго процвѣтанія и возможно большаго распространенія.

Да и каждый сколько-нибудь образованный человѣкъ не можетъ не привѣтствовать этой новой науки, примѣненіе которой при изученіи чего бы то ни было даетъ блестящіе и изумительные результаты: желаемое усваивается легко и быстро и сохраняется на весьма продолжительное время.

При относительной бѣдности произведеній нашей литературы по вышесказанной наукѣ, мы полагаемъ, что наше руководство, въ которомъ хотъ и сжато, но настолько подробно и ясно изложены всѣ тѣ правила и пріемы, какіе выработала мнемоника для укрѣпленія и усовершенствованія памяти, что могутъ быть понятны и людямъ съ низкимъ уровнемъ образованія, принесетъ извѣстнаго рода пользу.

Далѣе, цѣль настоящаго руководства— доказать ту неизмѣримую пользу, какую мне-

моника принесетъ въ недалекомъ будущемъ изучающимъ ее, а также ознакомитъ извѣстную часть интеллигентныхъ читателей, интересующихся исторіей человѣческой мысли, съ историческимъ ходомъ развитія и усовершенствованія мнемоники, что по нашему мнѣнію, безусловно необходимо знать каждому образованному человѣку.

Насколько мы выполнили нашу задачу, предоставляемъ судить благосклоннымъ читателямъ.

З. Гиленко.

Источниками при составленіи настоящаго труда служили: „Kunst ein vorzügliches Gedächtniss zu erlangen", d-r Gartenbach, „histoire de la mnémonie, mnémoniqe ou mnémotechnie", Schavauty, „что такое мнемоника", Файнштейна, „руководства Коте, Эме Пари и мн. др."

ЧАСТЬ I.

1. Необходимость и польза изученія мнемоники.

Лучи столь полезной и необходимой науки, какъ мнемоника, стали пробиваться, наконецъ, сквозь темную покрывавшую ее завѣсу; разные представители науки не разъ выступаютъ въ періодической печати, доказывая не только полезности мнемоники, но даже и необходимости ея, какъ для учащихся, такъ и для людей болѣе зрѣлаго возраста, какъ единственное средство укрѣпленія и развитія памяти; для послѣднихъ, пожалуй, еще болѣе нужна хорошая вполнѣ развитая память. Въ зрѣломъ возрастѣ, сталкиваясь лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью, захваченные шумнымъ водоворотомъ ея, мы ежеминутно получаемъ массу новыхъ впечатлѣній, свѣдѣній, фактовъ и т. п., которые во что бы то ни стало необходимо ввѣрять памяти не только временно, но на болѣе или менѣе продолжительное время, а иногда даже и на всю жизнь.

Нѣтъ такого положенія, въ которомъ человѣкъ не чувствовалъ-бы необходимости хорошей памяти, и которому было бы безразлично имѣть плохую или хорошую память; намъ кажется, говоритъ по этому поводу д-ръ Гартенбахъ, что въ этомъ отношеніи не только всѣ равны, но наоборотъ,

чѣмъ выше стоитъ человѣкъ по умственному своему положенію, тѣмъ необходимѣе ему хорошая память.

Вообще каждый изъ насъ могъ убѣдиться изъ своего жизненнаго опыта въ необходимости хорошей памяти; слѣдовательно, необходимость ея врядъ-ли приходится доказывать; перейдемъ поэтому прямо къ тѣмъ результатамъ и пользѣ, какіе получаются при изученіи мнемоники.

«Помощью мнемоники, пишетъ профессоръ Шерцль, становится возможнымъ диктовать десяти, двадцати и даже цѣлой сотнѣ писцовъ письма съ совершенно разнороднымъ содержаніемъ; изучать весь лексическій запасъ иностранныхъ языковъ въ очень короткое время; помнить имена всѣхъ лицъ, которыхъ мы когда-нибудь видѣли; припомнить всѣ ходы многочисленныхъ шахматныхъ партій; самыя разнообразныя хронологическія и статистическія данныя и цыфры; цитаты, стихотворенія, статьи, анекдоты, изреченія, рѣчи, цѣлыя проповѣди, содержаніе цѣлыхъ книгъ, разныя науки во всѣхъ ихъ подробностяхъ и отдѣльныхъ частяхъ и вообще разнообразныя свѣдѣнія всякаго рода, и до того твердо и прочно, что, однимъ словомъ, человѣкъ носитъ съ собою въ своей памяти цѣлую библіотеку, обременительной тяжести которой онъ, повидимому, совсѣмъ не ощущаетъ.»

Читатель изумленъ, недовѣрчиво пожимаетъ плечами и, вѣроятно, скептически относится къ вышеприведеннымъ словамъ, исходящимъ, однако, изъ устъ такого авторитетнаго лица; такое недовѣріе оправдывается только той безусловной новизной, какой является мнемоника въ Россіи; но я глубоко убѣжденъ, что самый недовѣрчивый, по приблизительномъ хоть ознакомленіи съ мнемоникой, скоро убѣдится, что въ легкомъ и быстромъ усвоеніи многаго путемъ пріемовъ, указываемыхъ мнемоникой, нѣтъ и не можетъ быть ничего удивительнаго!

Разсказываютъ, что царь одного дикаго африканскаго племени былъ сильно удивленъ, когда гостившій у него европейскій путешественникъ прочелъ поданную ему записку. Желая еще болѣе удивить царя, европеецъ просилъ продиктовать себѣ нѣсколько словъ на мѣстномъ нарѣчіи. Удивленіе царя дѣйствительно не имѣло границъ, когда призванные одинъ за другимъ изъ свиты европейца свободно читали написанное на бумагѣ; но баловню XIX вѣка удобный способъ запоминанія посредствомъ письма оказался недостаточнымъ; онъ пожелалъ, вмѣсто подвергающейся различнымъ случайностямъ бумаги, воспользоваться еще болѣе основательнымъ и прочнымъ способомъ запоминанія, и надо отдать ему справедливость, что хоть и послѣ большихъ усилій, но способъ имъ все-таки найденъ. Въ результатѣ оказалось, что какъ

хорошо и удобно мы раньше записывали на бумагѣ, такъ свободно и удобно мы можемъ теперь записывать на памяти. Нашимъ предкамъ оно, быть можетъ, казалось и невозможнымъ, мы-же считаемъ это теперь явленіемъ весьма заурядным.

Въ самомъ дѣлѣ, память есть такая способность или сила нашей души представлять мысли, образы, лица и т. п. явленія давно прошедшаго времени. Всѣ свойственныя намъ отъ природы силы и способности мы развиваемъ и укрѣпляемъ путемъ различныхъ упражненій; ясно, что и память, какъ одна изъ нашихъ природныхъ силъ, также можетъ быть развита и укрѣплена путемъ упражненій. Средства для физическихъ упражненій намъ уже болѣе или менѣе извѣстны; средства-же къ упражненію памяти даетъ намъ мнемоника. Какъ наши физическія силы крѣпнутъ отъ физическихъ упражненій, такъ и духовныя наши силы крѣпнутъ отъ умственныхъ упражненій. Польза-же упражненій какъ физическихъ, такъ и умственныхъ, настолько велика и неоспорима, приводитъ къ такимъ изумительнымъ результатамъ, какіе не въ состояніи вообразить самая смѣлая фантазія. Знаменитый Германъ Коте, который, по справедливости, можетъ быть названъ королемъ мнемонистовъ, въ своей юности обладалъ настолько слабой памятью, что считалъ себя однимъ изъ неспособнѣйшихъ людей. Узнавъ, что мнемонистъ Ревентловъ преподаетъ въ

Лейпцигѣ искусство укрѣпленія памяти, онъ поѣхалъ туда, пытаясь, шутки ради, укрѣпить свою память. Къ общему удивленію, онъ не только усвоилъ систему Ревентлова, но и превзошелъ своего учителя, изобрѣвъ собственную систему, преподающуюся теперь во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи. Вспомнимъ, наконецъ, Демосѳена, который путемъ упражненій свои природные недостатки довелъ до невѣроятнаго совершенства, сдѣлавшись знаменитѣйшимъ ораторомъ своего времени.

Каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, получаетъ отъ природы неоцѣнимое сокровище—память, служащая, какъ говорили древніе, мѣриломъ пріобрѣтенныхъ нами знаній.

Оказывая неоспоримыя услуги человѣку, сокровище это, однако, слишкомъ капризно, слишкомъ измѣнчиво и нерѣдко оставляетъ насъ именно въ ту минуту, когда мы менѣе всего ждемъ этого, когда болѣе всего на него разсчитываемъ и надѣемся, но человѣкъ въ своей вѣчной борьбѣ умѣло воспользовался своими способностями и, подчинивъ себѣ память, сдѣлалъ ее послушнымъ орудіемъ, преданнымъ рабомъ, готовымъ во всякую минуту къ услугамъ своего господина.

Помимо быстраго и легкаго усвоенія желаемаго и удержанія въ памяти на весьма долгое время, достоинство мнемоники выражается еще и въ томъ, что она устраняетъ изнуряющій механическій навыкъ усвоенія—

зубрячку, не требуя усидчиваго труда, такъ какъ ея упражненія, низводимыя до степени игры, свободно можно совершать во время прогулокъ на чистомъ воздухѣ. Не мало родителей лишаютъ себя самаго необходимаго, лишь бы дать своимъ дѣтямъ приличное положенію своему воспитаніе, и если память можно назвать суммой пріобрѣтенныхъ знаній, то священная обязанность каждаго родителя дать возможность своимъ дѣтямъ наилегчайшимъ образомъ и пріобрѣтать ихъ. Механически заучивая, юноша какъ узникъ заключенъ въ душной комнатной атмосферѣ, лишенъ свѣта и свободныхъ движеній на воздухѣ, словомъ, всего того, что болѣе всего необходимо молодому, не окрѣпшему еще организму. Въ Западной Европѣ и Америкѣ мнемоника разрослась въ прекрасное и чудное дерево, корни котораго надежно укоренились и распространились въ твердой почвѣ многихъ учебныхъ заведеній, сдѣлавшись предметомъ обязательнаго изученія; до того-же, пока мнемоника будетъ принята и въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, (въ чемъ мы нисколько не сомнѣваемся), каждый изъ насъ, по моему мнѣнію, долженъ по мѣрѣ возможности стараться о возможно большемъ распространеніи ея во всѣхъ слояхъ общества.

Въ нашъ вѣкъ электричества и пара, съ сильнымъ развитіемъ сношеній между одной страной и другой—съ одной стороны, вполнѣ законное желаніе всякаго образованнаго

человѣка знакомиться съ европейскими и древними классиками въ подлинникѣ, съ другой стороны,—болѣе чѣмъ когда-либо является необходимость въ изученіи иностранныхъ языковъ. Мнемоника даетъ намъ средство быстро усвоить не только желаемый языкъ, но и весь лексическій его запасъ, въ самое короткое время; въ особенно благопріятныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи находимся мы — русскіе, такъ какъ еще Достоевскій замѣтилъ, что *„если пониманіе чужихъ національностей — особый даръ русскихъ предъ европейцами, равно какъ и даръ говорить на чужихъ языкахъ, дѣйствительно сильнѣйшій, чѣмъ у всѣхъ европейцевъ,—то даръ этотъ чрезвычайно значителенъ и сулитъ много въ будущемъ, на многое русскихъ предназначаетъ.“*

Воспользуемся-же тѣмъ, чѣмъ одарила насъ природа, изучимъ и воспріймемъ въ жизни того, что остается въ душѣ навсегда и вѣчно будетъ живить и радовать ее!

2. Краткій очеркъ исторіи возникновенія и развитія мнемоники.

Мнемоника беретъ свое начало съ самыхъ древнихъ временъ, когда человѣчество стояло еще на весьма низкой ступени своего развитія. Основателемъ ея считаютъ греческаго поэта Симонида, жившаго за 558 лѣтъ до Р. Х. Нѣкоторые-же мнемонисты полагаютъ, что мнемоника была уже извѣстна въ

древнемъ Египтѣ, откуда она перешла въ Грецію, благодаря знаменитому греческому философу Пиѳагору, въ теченіе 22-хъ лѣтъ путешествовавшему по Египту, и въ числѣ прочихъ наукъ, между прочимъ, изучившему и мнемонику, которую преподавалъ своимъ ученикамъ, по возвращеніи своемъ на родину, еще до Симонида. Съ своей стороны, такое предположеніе мы считаемъ неосновательнымъ и не имѣющимъ подъ собою никакой реальной почвы, такъ какъ всѣ ученые египтологи послѣдняго времени единогласно отрицаютъ существованіе древне-египетской науки вообще. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ именно выразилась древне-египетская наука? Со дня прочтенія Шамполіономъ первыхъ іероглифическихъ знаковъ прошло уже около 70 лѣтъ; въ теченіе этого времени ученые египтологи успѣли прочесть много надписей и папирусъ, но, кромѣ странныхъ лишенныхъ всякаго смысла вещей, какъ, напр., вродѣ заклинаній разныхъ демоновъ, ничего достойнаго научнаго вниманія еще до сихъ поръ не найдено, и, какъ совершенно вѣрно многіе замѣчаютъ, египетской науки незачѣмъ даже и искать, такъ какъ таковой никогда въ Египтѣ и не существовало. Вѣроятнѣе всего, что Симонидъ могъ и не знать о мнемомикѣ, привезенной Пиѳагоромъ будто изъ Египта, такъ какъ отсутствіе путей сообщенія въ древней Греціи служило громаднымъ препятствіемъ къ сношеніямъ между отстоящими на значи-

тельномъ другъ отъ друга разстояніи городами, а Пиѳагоръ жилъ, какъ извѣстно, въ Великой Греціи. Къ такому заключенію, (хотя и вѣроятному), приводитъ насъ и рѣзкая разница, существовавшая между системой Симонида и Пиѳагора. Система перваго заключается въ томъ, что онъ вообразилъ мнемоническій городъ, раздѣленный на нѣсколько частей: одна—для географіи, другая — для исторіи, третья-для такихъ-то свѣдѣній и т. д. Каждая часть, въ свою очередь, дѣлилась еще на меньшія части. Въ каждой такой части находилось нѣсколько тысячъ мнемоническихъ мѣстъ; на этихъ мѣстахъ онъ вообразилъ живыя существа, которымъ ввѣрялось на храненіе то, что желательно было помнить, между тѣмъ система втораго (мнимо-египетская) основана на какихъ-то письменныхъ знакахъ. Трудно поэтому допустить, что Симонидъ, зная о существовавшей уже системѣ до него, можетъ быть для него и неудовлетворительной, не только усовершенствовалъ, но даже и не изучилъ-бы ее. Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что начало свое мнемоника беретъ изъ Греціи, гдѣ она пользовалась большой симпатіей во всѣхъ безъ исключенія классахъ. Почти всѣ греческіе философы и ученые, даже не изучавшіе мнемоники, считали своей обязанностью высказать хоть свою симпатію къ этому искусству.

Благодаря Плутарху, сильно содѣйствовавшему распространенію мнемоники, послѣд-

няя изъ Греціи перешла въ Римъ, гдѣ она также пользовалась большимъ успѣхомъ. Плутархъ, между прочимъ, считаетъ мнемонику полезной ужъ потому одному, что *память о прошломъ дѣлаетъ насъ умнѣе въ будущемъ.*

Къ сожалѣнію, не смотря на тотъ громадный успѣхъ, которымъ пользовалась мнемоника въ древнемъ Римѣ, не смотря на свою распространенность и своихъ извѣстныхъ послѣдователей, какъ, напр., знаменитыхъ римскихъ ораторовъ Цицерона и Гортензія, мы не встрѣчаемъ между римлянами ни одного, который старался-бы хоть немного развить столь юную науку, находившуюся еще почти въ зародышѣ, хоть польза ея признана была всѣми.

Еще въ болѣе плачевное состояніе пришла мнемоника въ средніе вѣка, во время всеобщаго научнаго мрака, наступившаго въ Европѣ съ паденіемъ всемірной римской имперіи; вмѣстѣ съ паденіемъ всѣхъ наукъ и искусствъ упала также и наука о памяти, проявляя свою жизнь только у отдѣльныхъ представителей ея, которые не могли служить ея распространенію, такъ какъ, показывая свои поразительные опыты моментальнаго запоминанія, легко могли-бы быть заподозрѣны въ сношеніяхъ съ дьяволомъ и подвергнуты преслѣдованію невѣжественной въ то время толпы; только одно духовенство, въ рукахъ котораго сосредоточились всѣ науки, могло служить дѣлу дальнѣйшаго распространенія и

развитія мнемоники, не опасаясь никакихъ подозрѣній, ибо толпа считала-бы ихъ удивительные опыты мгновеннаго запоминанія дѣломъ весьма естественнымъ, но духовенство хранило всѣ науки, въ томъ числѣ и мнемонику, въ строжайшей тайнѣ. Прошло нѣсколько вѣковъ. Мнемоника остановилась въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи и, только благодаря ученому монаху Роджеру Бэкону, она вновь узрѣла свѣтъ Божій; въ этомъ отношеніи заслуга Бэкона неоцѣнима: мнемонику стали опять изучать и разрабатывать. Знаменитымъ мнемонистомъ XIII вѣка является Раймондъ Луллъ, удивлявшій весь тогдашній міръ своимъ поразительнымъ искусствомъ запоминанія. Въ концѣ XV вѣка мнемонистъ Петръ Равенскій, прозванный за свою феноменальную память „Petrus a memoria“, возбудилъ такой живой интересъ въ обществѣ къ мнемоникѣ, что былъ освобожденъ отъ всѣхъ налоговъ и общественныхъ повинностей. Считаемъ также необходимымъ упомянуть о знаменитыхъ мнемонистахъ XV вѣка Яковѣ Публиціусѣ, Мартинѣ Капеллѣ и итальянскомъ ученомъ Леонѣ Димодинѣ, не мало потрудившихся на поприщѣ мнемоники и внесшихъ и свою лепту въ сокровищницу столь полезной науки. Въ концѣ XVI вѣка рѣшительный переворотъ въ мнемоникѣ, цѣльностью и стройностью своей системы, произвелъ Ламбертъ Томасъ Шенкель, преподававшій ее съ большимъ успѣхомъ во многихъ городахъ

Германіи, Франціи и Бельгіи; послѣ-же смерти его на поприщѣ мнемоники выступилъ священникъ Папенъ, обогатившій мнемонику своей новой шифрованной системой. Священникъ Папенъ былъ славнымъ представителемъ мнемонистовъ XVI вѣка.

Видное и вполнѣ заслуженное почетное мѣсто въ исторіи развитія мнемоники занимаетъ величайшій мыслитель XVII-го вѣка Лейбницъ, теорія мнемоническихъ чиселъ котораго вошла въ основаніе многихъ системъ; нельзя пройти молчаніемъ также и извѣстнаго мнемониста XVII-го вѣка барона Минкъ фонъ-Венусгейма, основателя новыхъ пріемовъ, обогатившихъ и подвинувшихъ впередъ развитіе мнемоники; въ особенности-же изобилуетъ мнемонистами XVIII вѣкъ. Нѣкоторые, хотя и не внесли ничего новаго въ эту науку, но съ замѣчательною энергіею стараются о распространеніи ея; нѣкоторые выступаютъ съ новыми пріемами мнемоники и окончательно упрачиваютъ за нею ея видное и солидное положеніе. Такъ особенно извѣстны: англичанинъ Рихардъ Грей, система котораго имѣетъ за собою не мало достоинствъ и еще въ настоящее время преподающаяся во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Англіи; послѣдователь Грея, Карлъ Духетъ, преподавалъ это искусство съ безпримѣрнымъ успѣхомъ; баронъ фонъ-Аретинъ—видный государственный дѣятель и ревностный распространитель мнемоники; мнемонистъ Генрихъ

Дебель, основавшій собственную систему для легчайшаго запоминанія библіи, географіи, исторіи, хронологіи и т. п. Выше-же ихъ всѣхъ, поражавшій своимъ искусствомъ запоминанія, затмившій даже и знаменитаго своего предшественника Грея, стоитъ безспорно аббатъ баронъ Грегоръ фонъ-Фейнгель, основатель собственной настолько популярной системы, что и теперь еще преподается во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Англіи и Америки.

Не мало ученыхъ и умныхъ людей настоящаго столѣтія трудились и продолжаютъ трудиться на пышной нивѣ мнемоники. Въ 1833 году знаменитый французскій ученый Эме Пари, ученикъ Фейнгеля, выступилъ съ совершенно новой системой, основанной на научныхъ выводахъ физіологіи и психологіи. Своими публичными сеансами онъ сдѣлалъ ее до того популярной, что ее стали преподавать почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи.

Въ тоже время на поприщѣ мнемоники выступили португальскіе мнемонисты братья де-Кастилье, основатели собственной системы, также пользовавшейся большимъ успѣхомъ. Знаменитыми мнемонистами тогдашняго времени являются также: полякъ Язвинскій, соединившій систему Шенкеля съ системой Эме Пари, одобренная ученымъ комитетомъ въ Парижѣ и удостоенная похвалы многихъ ученыхъ обществъ въ С.-Петербургѣ, Михалоки и ученый еврейскій раввинъ Гершъ

Данемаркъ, системы которыхъ также пользовались громадной извѣстностью. Но звѣздами первой величины, украшающими исторію мнемоники, безъ сомнѣнія, должно считать знаменитаго филолога и мнемониста Карлъ-Отто Ревентлова и Германа Коте. Изучивъ системы всѣхъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ, начиная съ самыхъ древнихъ временъ, Ревентловъ многія изъ нихъ улучшилъ и только тогда, когда память его достигла положительнаго совершенства, рѣшился выступить на публичное испытаніе, произведшее фуроръ. Онъ роздалъ присутствующимъ нѣсколько сотъ таблицъ, заключавшихъ около двадцати тысячъ фактовъ изъ различныхъ областей знанія. Не довольствуясь безошибочнымъ отвѣтомъ на каждый предложенный ему вопросъ, онъ въ концѣ назвалъ фамиліи всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя сообщили ему ихъ при полученіи вопросныхъ таблицъ. Величайшимъ-же мнемонистомъ настоящаго столѣтія считаютъ Германа Коте, обладавшій до изученія мнемоники такой слабой памятью и забывчивостью, что считалъ себя человѣкомъ, уже погибшимъ на всегда. Вдругъ тотъ самый Коте, поражавшій всѣхъ своею забывчивостью, благодаря мнемоникѣ, которую онъ изучилъ подъ руководствомъ Ревентлова, сталъ поражать всѣхъ своей необыкновенной силой памяти. Коте превзошелъ своего учителя Своимъ друзьямъ онъ обыкновенно говорилъ: «мое искусство нетрудно и доступно даже

дѣтямъ отъ 8-ми лѣтъ. Эту память я пріобрѣлъ *только своими стараніями,* и вы можете имѣть такую-же, если будете исполнять мои указанія.»

Мнемоника въ Россіи.

До послѣдняго времени мнемоника въ Россіи была совершенно неизвѣстна. Публика не только знала мнемоники, но даже не подозрѣвала и существованіе подобной науки. Ревностнымъ и неутомимымъ распространителемъ ея явился г. Файнштейнъ, удостоившійся званія члена Парижской Національной Академіи за свою систему укрѣпленія памяти.

Изъ этого хоть и краткаго очерка исторіи возникновенія и развитія мнемоники видно, что эта наука имѣетъ за собою весьма интересное и солидное прошлое. Исторія ея еще интересна въ слѣдующемъ отношеніи: все великое и прекрасное въ исторіи человѣчества, нерѣдко даже то, что приносило ему какую либо пользу, имѣло своихъ гонителей, своихъ противниковъ; тогда какъ мнемоника, съ самаго перваго дня ея появленія, пользуется всеобщею симпатіею, гдѣ бы она не появлялась.

Этимъ мы закончимъ бѣглый обзоръ исторической стороны нашего предмета, послѣ чего приступимъ къ настоящей сути нашей задачи, состоящей въ томъ, чтобы познакомить

читателей какъ съ теоретической частью мнемоники, такъ равно и тѣми практическими пріемами, какіе выработала мнемоника для укрѣпленія и усовершенствованія памяти.

ЧАСТЬ II.

§ 1. ТЕОРІЯ ПАМЯТИ.

Вопросъ объ искусственныхъ средствахъ къ укрѣпленію и развитію памяти и облегченія процесса запоминанія, какъ мы видѣли, занималъ уже древніе умы, но такъ какъ краеугольнымъ камнемъ мнемоники является память, то до тѣхъ поръ, пока не былъ правильно разрѣшенъ вопросъ о самой памяти, не могло быть, разумѣется, и рѣчи о какихъ-либо дѣйствительныхъ средствахъ укрѣпленія ея. Чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ люди были бѣднѣе знаніями, ограниченнѣе въ дарѣ мысли и сужденія, поэтому созданныя ими теоріи, лишенныя строгаго научнаго основанія, удачно намѣтили только отдѣльные элементы ея, которыми не преминула воспользоваться современная мнемоника. Свѣдѣнія о памяти пріобрѣтались лишь постепенно и отчасти принадлежатъ новѣйшему времени.

Считая излишнимъ вдаваться въ подробныя изслѣдованія тѣхъ положеній о памяти, какія были выработаны разновременно людьми науки, такъ какъ самый предметъ чрезвычайно обширенъ, мы коснемся здѣсь только

того положенія, какое принято въ отношеніи памяти современной психологіей.

Познакомимъ читателя съ нѣкоторыми сторонами психо-физіологическихъ отправленій человѣка. По всей внѣшней поверхности нашего организма разсѣяны концевые аппараты нервныхъ волоконъ, существенное значеніе которыхъ находиться въ сообщеніи съ самимъ организмомъ и физическими условіями внѣшняго міра съ одной стороны, а съ другой— служить посредникомъ между внѣшнимъ міромъ и духовною нашею жизнью. Окружающій насъ вещественный міръ—непосредственная причина представленій, которыя мы получаемъ извнѣ посредствомъ нашихъ чувствъ. Такимъ образомъ, дѣятельность въ нервахъ возбуждается извнѣ; то, что возбуждаетъ ихъ, мы называемъ раздраженіемъ. Какъ струна созвучитъ, лишь только ея коснутся колебанія воздуха, такъ точно и душа наша получаетъ впечатлѣніе, представленіе о явленіяхъ, подѣйствовавшихъ на нее извнѣ посредствомъ органовъ чувствъ. Пока продолжается внѣшнее раздраженіе, продолжается также и дѣйствіе его, обусловленное имъ состояніе души. Въ ту же самую минуту, когда прекращается внѣшнее раздраженіе, прекращается также и вызванное имъ представленіе; душа освободилась и готова принимать новыя представленія. Но если бы для повторенія даннаго представленія, душѣ требовалось бы повтореніе самаго раздраженія, то, очевидно, ни о какой

умственной дѣятельности не могло бы быть и рѣчи; человѣкъ оставался бы вѣчно на одной и той же ступени. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ совершенно противное: представленія возникаютъ въ нашей душѣ безъ повторенія вызывающихъ ихъ причинъ. Это-то свойство нашей души вызывать былыя представленія безъ повторенія самихъ причинъ и называется **памятью**; новѣйшая психологія считаетъ память сложной умственной операціей, выражающей собою извѣстное состояніе души, которая воспроизводитъ прошедшія представленія. Основной элементъ памяти составляютъ идеи, при помощи которыхъ совершаются воспоминанія, и память зависитъ исключительно отъ ассоціацій идей. Эти ассоціаціи подчинены четыремъ законамъ, подъ вліяніемъ которыхъ представленія получаютъ *опредѣленную группировку*. Всѣ представленія образуютъ какъ бы одну непрерывную цѣпь, и въ своей непрерывности и связности составляютъ то, что называютъ научнымъ мышленіемъ. Представленія возникаютъ въ нашей памяти по законамъ ассоціацій. Память имѣетъ уже дѣло съ готовымъ матеріаломъ, находящимся у нея въ запасѣ, а законы ассоціацій приводятъ этотъ матеріалъ *въ систему*, *въ порядокъ*. Чѣмъ дѣятельнѣе и правильнѣе работаютъ они въ головѣ человѣка, тѣмъ шире горизонтъ его мышленія, тѣмъ богаче онъ знаніями.

Психологи уже давно замѣтили тотъ интересный фактъ, что въ памяти нашей очень

легко возникаютъ представленія, которыя или сходны между собою или противоположны другъ другу, или возникали раньше одновременно или одно сейчасъ вслѣдъ за другимъ. На этомъ фактѣ основаны 4 закона ассоціацій идей: законъ сходства, контраста, послѣдовательности и одновременности, которыми новѣйшая мнемоника воспользовалась для цѣлей облегченія процесса запоминанія.

§ 2. Помимо этой основной теоріи, служащей фундаментомъ всей современной мнемоникѣ, созданы были еще и другія теоріи, которыя хотя и утратили свою самостоятельность, но тѣмъ не менѣе приняты и современной мнемоникой, какъ необходимый элементъ при укрѣпленіи и изощреніи памяти. Находимъ необходимымъ ознакомить читателей поверхностно хоть съ нѣкоторыми изъ нихъ, а также и съ принципами, вложенными въ основаніе этихъ теорій.

ТЕОРІЯ ПОВТОРЕНІЯ.

Каждое чувственное впечатлѣніе производитъ раздраженіе мозга, а чѣмъ чаще повторяется раздраженіе, тѣмъ болѣе основаній впечатлѣнію сохраняться въ нашей памяти. На этомъ положеніи и основана теорія повторенія. Чѣмъ чаще мы встрѣчаемся съ однимъ лицомъ, тѣмъ легче и скорѣе мы узнаемъ его; чѣмъ чаще мы ходимъ по одной какой-либо дорогѣ, тѣмъ менѣе опасеній заблудиться по ней; словомъ, чѣмъ чаще повторяется какое

либо явленіе, тѣмъ прочнѣе оно сохраняется въ нашей памяти, ибо впечатлѣніе, проходя по разъ уже проторенному пути, воспринимается нами безъ особеннаго напряженія органическихъ силъ.

§ 3. Теорія пониманія.

Теорія эта, оказавшая большую услугу современной мнемоникѣ, основана на томъ выводѣ, что чѣмъ лучше мы выяснимъ, осмыслимъ и поймемъ данный предметъ, тѣмъ быстрѣе и прочнѣе мы удерживаемъ его въ нашей памяти. Почему болѣе всего мы помнимъ то, что лучше всего нами анализировано, осмыслено и понято. Принципъ этой теоріи настолько серьезенъ и важенъ, что обязательно долженъ быть примѣненъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ примѣненіе его возможно.

§ 4. Теорія возбужденія.

Какъ много или какъ мало удерживаетъ наша память, зависитъ отъ того, въ какой степени предметы привлекли къ себѣ наше вниманіе; на одну и ту же воспріимчивость большее впечатлѣніе дѣйствуетъ сильнѣе, меньшее—слабѣе. Крушеніе на морѣ, изъ котораго мы вышли живыми, картина войны—возбуждаютъ, поражаютъ насъ и навсегда сохраняются въ нашей памяти. Мы иногда невольно вспоминаемъ такія мелочи изъ нашего дѣтства, которымъ не придаемъ никакого серьезнаго значенія. И дѣйствительно, что для насъ

потеряло всякое значеніе въ зрѣломъ возрастѣ, то нѣкогда было серьезнымъ событіемъ, произведшимъ на насъ сильное впечатлѣніе, въ дѣтствѣ.

§ 5. Теорія мѣстности (локализаціи).

Принципъ, вложенный въ основаніе этой теоріи, состоитъ въ томъ, что всѣ наши представленія, свѣдѣнія и т. п., связанныя съ какимъ-либо мѣстомъ, съ особенной легкостью сохраняются въ нашей памяти. Мѣсто само по себѣ легко вспоминается, а вмѣстѣ съ нимъ вспоминаются уже и представленія, такъ или иначе связанныя съ нимъ. Теорію эту приписываютъ Симониду, вообразившему цѣлый мнемоническій городъ, въ которомъ были размѣщены тысячи представленій „Мѣсто, говорили послѣдователи Симонида:—благодатная почва, на которой ни одно зернышко не пропадаетъ, и всякій плодъ даетъ обильные ростки.“ Справедливость этой теоріи каждый изъ насъ можетъ доказать опытомъ изъ своихъ ежедневныхъ впечатлѣній.

§ 6. Теорія рефлексовъ.

Мы обыкновенно хранимъ массу несвязныхъ представленій, которыя разбросаны, разрознены въ нашей памяти. Между представленіями этими нѣтъ связующаго элемента; не имѣя точки опоры, они какъ бы висятъ въ воздухѣ и возникаютъ только тогда, когда ихъ приводятъ въ связь съ тѣми представленіями,

которыя отъ частаго пріобрѣтенія настолько укрѣпились въ нашей памяти, что сдѣлались какъ бы органическою частью ея. Связующимъ элементомъ между укоренившимися и разрозненными представленіями служитъ сознаніе, а если представленія будутъ связаны такимъ образомъ, то процессъ запоминанія несомнѣнно облегчится, такъ какъ вслѣдъ за однимъ представленіемъ непремѣнно возникаетъ и другое, связанное съ нимъ.

Такимъ образомъ, теоритически подготовивъ читателя къ воспринятію предлагаемыхъ мнемоникой искусственныхъ пріемовъ запоминанія, приступимъ теперь къ разъясненію самихъ пріемовъ.

§ 7. Запоминаніе отдѣльныхъ словъ.

Разсмотрѣвъ поближе 4 закона ассоціацій идей (§ 1-й), служащихъ основаніемъ новѣйшей мнемоникѣ, нельзя не видѣть, что въ основу ихъ положенъ одинъ общій принципъ—сравненіе, которымъ разрѣшается вопросъ о сходствѣ или контрастѣ двухъ представленій, также и то, одновременно-ли возникаютъ два представленія или-же одно вслѣдъ за другимъ. Сравненіе-же есть не болѣе какъ связующая мысленная нить, соединяющая два представленія такъ, какъ мостъ соединяетъ оба берега рѣки.

Такимъ образомъ, процессъ запоминанія облегчается главнымъ образомъ тѣмъ, что два представленія (или слова, выражающія эти

представленія), связываются мысленною нитью, помощью которой мы въ состояніи вспомнить ихъ одно вслѣдъ за другимъ.

При запоминаніи намъ до сихъ поръ незнакомыхъ понятій, мы должны, конечно, связать ихъ съ такими, которыя сами по себѣ уже не нуждаются въ искусственныхъ средствахъ къ запоминанію, т. е. съ вполнѣ укоренившимися въ нашей памяти (§ 6). Каждый, сообразно своимъ наклонностямъ и цѣлямъ изучаемаго предмета, выбираетъ себѣ, такъ называемыя, коренныя слова, съ которыми и связываетъ незнакомыя понятія.

Перейдемъ теперь къ практическому примѣненію вышеприведенныхъ выводовъ. Предположимъ, что коренное наше слово есть „*садъ*“ Случай побуждаетъ насъ запомнить слово „*дерево.*“ Мы разсуждаемъ такъ. Коренное наше слово есть „*садъ.*“ Соединивъ мысленною нитью слова „*садъ*“ и „*дерево*“ посредствомъ краткаго предложенія „въ *саду* растетъ прекрасное *дерево*“, мы не опасаемся уже забыть слово, которое намъ нужно было запомнить, такъ какъ оно связано съ кореннымъ словомъ „*садъ*“, а коренное слово—это портфель, въ которомъ всегда можно найти положенное въ немъ

И такъ, *для запоминанія какого-либо слова, необходимо соединить его съ кореннымъ, при посредствѣ краткаго предложенія, такъ какъ при воспоминаніи коренного, мы немедленно вспомнимъ и о томъ словѣ, которое связано съ нимъ.*

Способъ этотъ—результатъ многочисленныхъ опытовъ, твердо установилъ, что мысленная нить значительно облегчаетъ запоминаніе 2-хъ словъ, принадлежащихъ другъ другу. Способъ этотъ настолько простъ и общедоступенъ, что въ цѣлесообразности его каждый можетъ убѣдиться путемъ нѣсколькихъ упражненій.

Примѣчаніе. Нахожденіе мысленныхъ нитей на первыхъ порахъ, конечно, нѣсколько затруднительно, но при извѣстномъ упражненіи, нахожденіе это можно довести до такой степени виртуозности, что при одномъ только названіи двухъ словъ уже явится соотвѣтствующая мысленная нить.

Искусственно связывая безсвязный неопредѣленный рядъ многочисленныхъ представленій, разрозненныхъ въ нашей памяти, мнемоника даетъ намъ въ руки могучее средство, при помощи котораго мы въ состояніи вызвать ихъ въ нашей памяти, когда намъ только заблагоразсудится, въ связномъ и строго опредѣленномъ порядкѣ.

§ 8. Запоминаніе серій словъ.

Подъ такимъ названіемъ мы разумѣемъ отдѣльныя слова, ничего общаго другъ съ другомъ не имѣющія и не связанныя въ формѣ цѣлаго предложенія. Возьмемъ для опыта слѣдующую серію словъ: садъ, Соня, зима, жара, залъ, жукъ, Саша, сова, супъ, тазъ. Какъ мы видѣли выше, (§ 7), способъ запоминанія разныхъ представленій состоитъ въ томъ, что слова, выражающія эти представленія, связы-

ваются въ цѣльное предложеніе, а потому и соединимъ каждыя два слова мысленной нитью въ слѣдующемъ порядкѣ: «садъ» и «Соня»—образуемъ связное предложеніе—въ саду гуляетъ Соня (1). «Соня» и «зима»—Соня любитъ больше зиму (2). «Зима» и «жара»—зимою не такая сильная жара (3). «Жара» и «залъ»—невыносимая жара въ залѣ (4). «Залъ» и «жукъ»—въ залѣ ползетъ жукъ (5). «Жукъ» и «Саша»—чернѣе жука мой братъ Саша (6). «Саша» и «сова»—Саша кормитъ сову (7). «Сова» и «супъ»—сова кушаетъ супъ (8). «Супъ» и «тазъ»—супъ находится въ тазѣ (9).

Такимъ образомъ, нами составлено 9 предложеній, въ которыхъ запоминаніе одного слова облегчаетъ запоминаніе и другого связаннаго съ нимъ. Для насъ, разумѣется, не составитъ большаго затрудненія изъ 9-ти предложеній образовать одно или нѣсколько, въ которыхъ данныя для запоминанія слова держались-бы крѣпкою замкнутою цѣпью. Такое предложеніе, напр., будетъ: «всегда въ *саду* гуляетъ *Соня*, даже *зимою*, такъ какъ невыносимая *жара* въ *залѣ*. Черный какъ *жукъ* ея *Саша* пользуется этимъ, чтобы накормить *сову* свою *супомъ* изъ бѣлаго *таза*.»

Излишне, конечно, доказывать, что подобная цѣпь словъ держится весьма крѣпко, такъ какъ одна мысль вызываетъ слѣдующую и что такимъ способомъ всякаго рода слова запоминаются очень легко, не требуя много времени и сильнаго умственнаго напряженія. И такъ, для запоминанія серій словъ необходимо соединить первое слово со вторымъ, второе съ третьимъ и т. д. въ краткія предложенія.

Полученныя предложенія соединить въ одно или нѣсколько такимъ образомъ, чтобы одна мысль вызывала слѣдующую и чтобы, запомнивъ одно слово, мы могли бы вспомнить и всѣ связанныя съ нимъ слова.

Заучивъ полученное предложеніе наизустъ, мы будемъ въ состояніи повторить въ прямомъ порядкѣ всѣ данныя слова, для чего слѣдуетъ только мысленно повторить предложеніе, останавливаясь на каждомъ встрѣчающемся существ.

§ 9. Запоминаніе заглавій книгъ, статей закона и т. п.

Принципомъ, вложеннымъ въ основаніе запоминанія серій словъ, пользуются для запоминанія заглавій книгъ, параграфовъ закона и т. п., которые могутъ быть подведены подъ категорію нѣсколькихъ понятій, выраженныхъ словами. Напр., I-й томъ сочиненій Григоровича состоитъ изъ слѣдующ. статей: «Петербургскіе шарманщики, сосѣдка, лотерейный балъ, деревня, Антонъ Горемыка, бобыль, капельмейстеръ Сусликовъ и четыре времени года.» Составимъ изъ этихъ понятій нѣсколько предложеній. Это тѣмъ болѣе легко, что намъ въ сущности безразлично, какой оборотъ мысли принимаютъ составленныя предложенія. Соединивъ полученныя предложенія въ одно или нѣсколько, смотря по возможности, мы можемъ составить предложеніе: «*Петербургскіе шарманщики* познакомились съ *сосѣдкой* на *лотерейномъ балу* въ *деревнѣ*, гдѣ *Антонъ Горемыка*, сдѣлавшись сущимъ *бобылемъ*, помогалъ *капельмейстеру Сусликову* играть оперу „*четыре времени года*“», въ кото-

ромъ понятія, выражающія заглавія статей, соединены въ крѣпкую цѣпь и доступны легкому и быстрому усвоенію.

§ 10. Запоминаніе пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ и т. п.

Разсматривая способъ запоминанія серій словъ, мы видимъ, что все дѣло сводится къ тому, что составленныя предложенія связываются въ одну замкнутую цѣпь, причемъ мы не беремъ предложеніе цѣликомъ, а только то понятіе, которое характеризуетъ составленное предложеніе. Напр., изъ предложенія Соня любитъ больше зиму (§ 8, 2) мы беремъ только характеризующее его понятіе. Мы видѣли также, что характеристичныя понятія, соединенныя въ цѣпное предложеніе, служатъ какъ бы верстовыми столбами, вѣхами, указывающими направленіе нашей мысли въ составленномъ цѣпномъ предложеніи. Точно также заглавіе какой-либо книги характеризуетъ уже не одно только предложеніе, а содержаніе всей книги. Намъ, напр., достаточно при одномъ названіи «Робинзонъ-Крузе,» чтеніемъ котораго мы когда-то увлекались, вспомнить большую часть содержанія книги, когда и при какихъ обстоятельствахъ мы читали ее и т. д. Такія слова, выражающія собою понятіе или фактъ цѣлаго предложенія, цѣлой страницы, цѣлой книги, наз. *характеристичными;* свойствомъ ихъ пользуются для запоминанія пословицъ, поговорокъ, изреченій и т. п. Напр.

1. На ворѣ и шапка горитъ—харак. слово	воръ
2. Овцѣ съ волками плохо жить ...	овца
3. Овечку стригутъ, другая того-же жди	
4. Съ волками жить, по волчьи выть	волкъ
5. Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ	
6. Старый волкъ, знаетъ толкъ ...	
7. На Бога надѣйся, а самъ не плошай	Богъ
8. Безъ Бога—ни до порога	
9. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ	
10. Другъ по другѣ, а Богъ по всѣхъ	

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что наиболѣе яркимъ и характеристичнымъ словомъ, выражающимъ 1-ю мысль, будетъ «воръ», 2 и 3—«овца», 4, 5 и 6—«волкъ», 7, 8, 9 и 10—«Богъ.» Характеристичныя слова мы можемъ соединить въ слѣдующее цѣльное предложеніе: „*Воръ* спасъ *овцу* отъ *волковъ*, надѣясь только на *Бога*.“ И такъ, *способъ запоминанія отдѣльныхъ мыслей состоитъ въ томъ, что слова, выражающія главныя понятія, соединяются въ связное цѣльное предложеніе.* Вышеприведеннымъ способомъ пользуются также при заучиваніи шутокъ, анекдотовъ и т. п.

§ 11. Запоминаніе стихотвореній и литературныхъ произведеній.

Для примѣра возьмемъ слѣдующій отрывокъ изъ „Евгенія Онѣгина“

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями

На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года.
Синѣя блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ;
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой;
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

Прочитавъ внимательно нѣсколько разъ данный отрывокъ и освоившись съ послѣдовательнымъ теченіемъ мысли, мы разлагаемъ его на мелкія части, такъ сказать, анализируемъ его, стараясь осмыслить и понять его, какъ въ цѣломъ, такъ и частяхъ его. Изъ каждой части выбираемъ наиболѣе характеризующее ее слово, изъ которыхъ составляется цѣлое предложеніе. Стало быть, вся работа сводится къ соединенію разныхъ мыслей при посредствѣ характеризующихъ ихъ словъ, что было разъяснено нами въ § 10-мъ.

§ 12. Запоминаніе однозначныхъ чиселъ.

Такъ какъ слово легче и удобнѣе запоминается, чѣмъ число, то принципъ запоминанія чиселъ состоитъ въ томъ, что цыфры замѣняются буквами, изъ которыхъ составляются слова, наз. *числовыми*, ибо помимо выражаемаго ими понятія, принимается еще во вниманіе и числовое достоинство буквъ.

Весьма остроумная таблица буквъ, замѣняющихъ цыфры, составлена французскими мнемонистами, а именно:

1=д (одинъ), т—какъ однозвучащее.
2=н (пишется 2-мя черточками).
3=м » 3-мя »
4=р (похоже на обратное 4).
5=л.
6=г, к, х.
7=ч (похоже), ц, ш, щ—какъ однозвучащія.
8=в, ф, ѳ (похожи на 8).
9=б (похоже на обратное 9, п—какъ однозв.
0=с (близка по формѣ къ 0), ж, з—какъ однозв.

Гласныя-же не имѣютъ никакого цыфроваго значенія и вставляются между согласными, для болѣе удобнаго образованія словъ, напр. садъ=1, Соня=2, зима=3, жара=4, залъ=5, жукъ=6, Саша=7, сова=8, супъ=9, тазъ=10

Обращаемъ вниманіе читателя на необходимость быть въ состояніи легко и быстро замѣнять цыфры буквами и обратно, ибо подобная замѣна облегчаетъ пониманіе этой весьма важной части мнемоники.

Примѣчаніе 1. Каждому числу не соотвѣтствуетъ разъ на всегда установленное слово, такъ какъ весьма важно, какъ читатель увидитъ дальше, чтобы числовое слово имѣло связь съ предметомъ того числа, которое необходимо запомнить; такъ, напр., число 17 можно выразить словами: *дочь*, *дача*, *дичь*, *душа*, *отецъ* и т. п.

2. При запоминаніи однозначныхъ чиселъ нужно выбрать или такія слова, въ которыхъ находится только соотвѣтствующая согласная, напр., 4=*арія*, *рай*, или-же слова, хотя и заключающія въ себѣ и двѣ согласныя, но въ которыхъ первая буква равна нулю, напр. 4=*соръ*, *сарай*, *заря*, *сыръ*, *сѣра*, *жара*.

§ 13. Запоминаніе многозначныхъ чиселъ.

Пусть намъ нужно запомнить слѣдующее многозначное число: 17170119629 5. Раздѣливъ данное число на группы, по 2 цыфры въ каждой, получимъ слѣдующія 6 группъ: 17, 17,01,19,62,95; отыщемъ для каждой группы соотвѣтственное числовое слово; такія слова будутъ: *отецъ*=17, *дочь*=17, *садъ*=01, *дубъ* =19, *кн*ига=62, *пл*атокъ=95. Изъ этихъ словъ образуемъ слѣдующее связное предлож.:

отецъ и дочь сидятъ въ саду подъ дубомъ;
1 7 1 7 0 1 1 9

онъ читаетъ книгу, а она вышиваетъ платокъ.
6 2 9 5

Если эти предложенія хорошо заучены, то затѣмъ не трудно будетъ повторить данное многозначное число наизустъ. Слѣдуетъ прочесть про себя полученныя предложенія, останавливаясь на каждомъ числовомъ словѣ и указывая цыфры, которыя соотвѣтствуютъ первымъ двумъ согласнымъ послѣдняго.

Примѣчаніе 1. Для болѣе удобнаго отысканія числовыхъ словъ можно поставить себѣ правиломъ, чтобы числовое значеніе имѣли только первыя двѣ согласныя; послѣднее обстоятельство даетъ намъ возможность скорѣе и удобнѣе находить слова для составленія цѣльныхъ предложеній.

2. Если многозначное число имѣетъ нечетное число знаковъ, то, разумѣется, послѣдняя группа будетъ состоять только изъ одной цыфры. Способъ замѣны одной цыфры числовымъ словомъ изложенъ въ § 12, прим. 2.

§ 14. Изученіе иностранныхъ языковъ.

Пусть намъ нужно запомнить слово père, что значитъ по французски «отецъ.» По § 2-му

значительную роль въ мнемоникѣ играетъ законъ сходства. Найдемъ поэтому такое русское слово, которое было-бы сходно по звуку съ иностраннымъ словомъ «p é re»; такое слово будетъ «перо». Соединимъ нитью слова «отецъ» и «перо»—посредствомъ краткаго предложенія—*отецъ* пишетъ новымъ *перомъ*. Запечатлѣвъ данное предложеніе, мы безъ труда можемъ запомнить иностранное слово, ибо въ данномъ предложеніи имѣется необходимое къ запоминанію слово—отецъ, а слово «перо», вслѣдствіе однозвучности, по закону сходства, наведетъ насъ на французское произношеніе этого слова.

И такъ, при изученіи иностранныхъ языковъ, слѣдуетъ руководствоваться слѣдующимъ правиломъ: *иностранное слово замѣняется однозвучащимъ русскимъ словомъ и соединяется съ нимъ въ связное предложеніе;* при чемъ, для избѣжанія недоразумѣній, слѣдуетъ стараться или чтобы переводное значеніе иностраннаго слова занимало первое мѣсто въ предложеніи или чтобы таковое мѣсто занимало однозвучащее слово. Еще примѣры:

Полковникъ—colonel—*полковникъ* живетъ въ *колоніи*.
Голова—tete—*тетеревъ* имѣетъ большую *голову*.
Корова—vache—*Ваша корова* даетъ много молока.
Терпѣніе—patience—*пациентъ* имѣетъ большое *терпѣніе*
Трава—l'herbe—*гербъ* сдѣланъ изъ *травы*.

Способъ этотъ, испытанный много разъ на практикѣ, всегда приводилъ къ желанной цѣли.

Примѣчаніе. Нѣтъ необходимости отыскивать замѣняющія слова для замѣны всего слова, ибо слова, напоминаю-

щія собою только первый звукъ иностраннаго слова, уже достаточны для вѣрнаго припоминанія его.

§ 15. Примѣненіе мнемоники къ исторіи.

Запоминаніе хронологіи.

Исторія намъ повѣствуетъ, что „лишь только французское войско вошло въ Москву, какъ послѣдняя запылала, подожженная самими жителями. Пожаръ продолжался нѣсколько дней и т. д.“ Труднѣе всего, разумѣется, запомнить годъ событія, т. е. 1812. Замѣнивъ число 18,12 соотвѣтственнымъ числовымъ словомъ—диво, день—соединимъ эти слова съ историческимъ фактомъ 1812 года въ цѣлое предложеніе такимъ образомъ: въ дивный день
1 8 1 2
вступленія Наполеона въ Москву, городъ былъ подожженъ самими жителями. Этимъ краткимъ предложеніемъ нами достигнута двойная цѣль: во 1-хъ, мы удерживаемъ въ памяти время событія посредствомъ словъ, слѣд., мы имѣемъ болѣе шансовъ помнить его, во 2-хъ, вмѣстѣ съ годомъ мы запоминаемъ и главный историческій фактъ, относящійся къ нему.

И такъ, *для запоминанія года, въ которомъ совершилось какое-либо историческое событіе, находятъ числовое слово, соотвѣтствующее данному году, и послѣднее связываютъ съ историческимъ событіемъ въ цѣлое предложеніе.*

Примѣчаніе 1. Для облегченія запоминанія хронологіи нѣтъ надобности запомнить всѣ цыфры года, а отыскиваютъ числовое слово только для 3-хъ послѣднихъ цыфръ,

такъ какъ, кто хоть немного знакомъ съ исторіей, понятно, не ошибется на тысячу лѣтъ.

2. Для отличія событій до Р. Х. выбираютъ слова, начинающіяся буквами с, ж, з, т. е.=0, а для событій послѣ Р. Х. слова, первая согласная которыхъ равна другимъ цыфрамъ. Примѣры:

Персидскій Царь Киръ, лишившись силъ отъ небольшой
0 5 2 9
раны, умеръ въ походѣ, т. е. въ 529 г. до Р. Х.

Св. Владиміръ крестился по завоеваніи Корсуня, т. е. въ 988г.
9 8 8

§ 16. Запоминаніе сложныхъ годовъ.

При желаніи запомнить начальный и послѣдній годъ какого-либо факта, находятъ для каждаго изъ этихъ годовъ числовыя слова, которыя связываютъ съ даннымъ фактомъ въ связное предложеніе. Напр., Галилей, итальянскій физикъ, род. 1564, умеръ 1642 года. Галилей открылъ лунныя горы, законы качанія маятника и кольцо Сатурна.
5 6 4 6 4 2

§ 17. Примѣненіе мнемоники къ географіи.

Запоминаніе географическихъ названій.

Способъ запоминанія разныхъ географическихъ названій состоитъ въ томъ, что обыкновенно находятъ однозвучащее съ нимъ слово собственныхъ именъ, имени животныхъ или какое-либо другое слово.

Для запоминанія слова Франція беремъ собственное однозвучащее съ нимъ слово Францъ, Волга—Володя, Алеутъ—Алеша, Дунай—

Дуня, Сербія—Сергѣй, Фригія—Фридрихъ, Цейлонъ—Целестинъ, Бельгія—Бѣлка, Англія—ангелъ и т. п.

Запоминаніе величины поверхностей.

При запоминаніи величины поверхностей частей свѣта и государствъ достаточно запомнить только первыя 3 цыфры, а остальныя замѣнять нулями. Сколько именно нулей нужно прибавить къ трехзначному числу, подлежащему запоминанію, не составитъ затрудненія для лицъ, хоть нѣсколько знакомыхъ съ географіей.

Запоминаніе высоты горъ.

1. За неимѣніемъ другихъ отношеній слѣдуетъ пользоваться звуковымъ сходствомъ.
2. Ни одна гора въ мірѣ не имѣетъ болѣе 27,300 фут. высоты.
3. Ни одна гора въ Европѣ не имѣетъ болѣе 15,000 фут., исключая Кавказа.

Считаемъ необходимымъ указать читателямъ еще на нѣкоторыя вспомогательныя средства, служащія такъ или иначе облегченію процесса запоминанія.

1. Въ зрѣломъ возрастѣ, за отсутствіемъ необходимости въ умственныхъ упражненіяхъ, пропадаетъ всякая охота къ пріобрѣтенію того, чего только и возможно достигнуть умственными упражненіями, между тѣмъ именно въ этомъ возрастѣ мы болѣе всего нуждаемся въ быстромъ и легкомъ усвоеніи и запоминаніи. Подобныя-же свойства

являются результатомъ только ежедневныхъ, хотя-бы даже самыхъ кратковременныхъ упражненій. Одно только поверхностное изученіе мнемоники само по себѣ еще не приноситъ пользы, если оно не оживлено сознаніемъ полезности и необходимости изощренія памяти, а при добромъ желаніи и силѣ воли всегда можно достигнуть многаго. Упражняясь ежедневно хотя-бы 10 минутъ, въ теченіе которыхъ легко можно выучить минимумъ 10 словъ какого-либо иностраннаго языка, и то въ теченіе года составитъ почтенную цыфру 3650 коренныхъ только словъ.

2. Чѣмъ долѣе память оставалась безъ культуры, тѣмъ легче и короче должны быть первыя упражненія, а затѣмъ уже, да и то самымъ незамѣтнымъ образомъ, переходить отъ легкаго къ трудному, отъ краткаго къ длинному.

3. Упражняться ради одного только искусства запоминанія—значитъ только заваливать память. Такія занятія могутъ развить печальную способность удовлетворяться неполнымъ и неточнымъ пониманіемъ изучаемаго предмета. Вмѣсто того, чтобы укрѣпить мыслительную силу, такія занятія могутъ только отучить умъ отъ серьезнаго мышленія. Поэтому слѣдуетъ выбрать такіе предметы, знаніе которыхъ можетъ принести какую-либо пользу, или такіе, которыя соприкасаются съ занятіями даннаго лица.

4. Упражняясь слишкомъ долго въ одномъ какомъ-либо предметѣ, мы можемъ почувствовать къ нему отвращеніе; весьма полезно поэтому отъ времени до времени мѣнять матеріалъ упражненій, но, однако, не злоупотреблять этимъ, ибо частая смѣна матеріала можетъ повести къ непостоянству.

5. Впечатлѣнія, проникающія въ душу посредствомъ двухъ одновременно дѣйствующихъ проводниковъ—слуха и зрѣнія, запечатлѣваются глубже воспринимаемыхъ ею однимъ какимъ-либо чувствомъ; поэтому начинающему слѣдуетъ пользоваться, какъ пособіями: переписываніемъ и громкимъ чтеніемъ того, что подлежитъ заучиванію.

Какъ во всякомъ первомъ трудѣ, неизбѣжны нѣкоторые пробѣлы и недосмотры; на нѣкоторыхъ указаніяхъ я, быть можетъ, останавливался болѣе, на нѣкоторыхъ—менѣе, чѣмъ того требуетъ цѣль настоящаго труда. Съ большой благодарностью мы пріймемъ отъ читателей тѣ указанія, которыя могутъ служить пользѣ улучшенія настоящей книги.

Складъ изданія у автора:

Бендеры, Александровская ул., д. № 60.

Цѣна 40 к.

2018669257